

ВОДА ЖИВАЯ

Начну с детской литературы.

Почему с детской? А потому. Потому, потому, потому что.

Дора Борисовна Колпакова (увы, покойная), мать и ангел-хранительница того, что называлось сперва «Детиздатом», потом «Детгизом», потом «Детской литературой», потом, уже много позже, «Лицеем», превратившимся вновь в «Детгиз» после самовозгорания в особняке на ул. Воинова и переехавшим на Фонтанку в объятия Аллы Юрьевны Насоновой, — так вот, Дора Борисовна Колпакова пришла в мир детской литературы в конце угрюмых пятидесятых, когда в «Детгизе» правил Чевычелов. Для тех, кто ленив и нелюбопытен, поясняю, сославшись на авторитет сказочника Евгения Шварца (см.: Е. Шварц. «Телефонная книжка»): «Оживление детиздатовское и госиздатовское, с авторами и художниками в коридорах, словно в клубе, — улеглось века назад. Директор Чевычелов, довоенный, несменяемый, маленький, с беспокойным взглядом, один глаз с прямоугольным зрачком. На голове тубетейка. Без тубетейки никто его не видел... Придя к власти, он постепенно завел у себя тишину и порядок. Войдя к нему в кабинет, видишь ты его тубетейку над большим столом».

Еще свидетельство о Чевычелове — свидетельство периода его цензорства — оставил С. Я. Маршак:

Чево, чево, Чевычелов,
Чево, чево ты вычитал,
Чево, чево ты вычеркнул,
Чевычелов, Чевычелов...

Проработала Дора Борисовна под Чевычеловым с середины 50-х по 1960 год. Я познакомился с Дорой Борисовной уже в 1990-е, она лично выхватила меня из пьяной толпы писателей и заставила сесть за детскую повесть, о чем я нисколько не жалею.

Помаленьку перехожу к Шефнеру, потому что, чувствуя, градус читательского внимания нервно пошел на спад.

Так вот, попросила меня однажды Дора Борисовна Колпакова добавить в «Историю ленинградского „Детгиза“», которую она составляла последнюю четверть жизни (к сожалению, не успела), главу «„Детгиз“ фантастический». Добавить, в смысле что написать. И в число авторов, о которых я должен был сказать обязательно, — входил Вадим Шефнер.

Ну а я, дурак привередливый, как-то прошел стороной мимо Вадима Шефнера, то есть знал, что существует такой писатель и он многим моим знакомым нравится. Но... не сложилось, читал что-то другое, Льва Шейнина, Льва Овалова, Рубинштейна, опять же Льва...

А однажды на вечере Александра Житинского, куда я попал случайно, кто-то в зале поставил прозу писателя рядом с прозой Вадима Шефнера. Мол, и тот и другой одинаково ироничны в манере творчества. Житинский, присутствовавший тогда вживую, принял это сравнение холодно. «Я не понимаю Шефнера, — сказал он. — Не понимаю, о чем он пишет». Фраза была, мягко говоря, странная. Был в ней элемент ревности. Или — как там у Мандельштама? — «Не сравнивай, живущий несравним...». Любой писатель пишет *о чем-то*, даже если, на рассеянный взгляд читающего, пишет вроде бы ни о чем. Уж Житинскому-то это известно было наверняка. Почему он так сказал, я не знаю.

У Вадима Шефнера в ленинградском «Детгизе» (под эгидой Доры Борисовны Колпаковой) напечатали единственный сборник — «Круглая тайна» (1977). В него вошли рассказ «Скромный гений» и две повести — «Девушка у обрыва» и, давшая название книге, «Круглая тайна». Плюс та же повесть «Круглая тайна» включалась в сборник фантастики «Талисман» (1973). Такое необилие Шефнера, думаю, имеет причину. Но о причине позже.

Сначала о перемене ветра. Почему я полюбил Шефнера. Вдруг. Влез в его волшебную прозу и так до сих пор не вылезти. Мы с ним были даже знакомы. Знакомы косвенно. То есть он-то меня не знал. Как это было. Год, дай бог памяти (спасибо всемогущему Интернету!), — 1999-й. Вручение фантастической премии «Странник», ул. Большая Морская, бывший особняк княгини Гагариной, ныне Дом композиторов. Я гляжу на него, на Шефнера, на шуплую маленькую фигурку, поднимающуюся на сцену. Шефнеру вручают

цветы. Ютанов Николай Юрьевич, отец-основатель премии, жмет руку лауреату, благодарит. Овации. Я его, Шефнера, тогда еще не прочел.

Я понял, что этот писатель мой, позже, лет, может быть, через пять. Чем позже понимаешь писателя, тем вернее он сохраняется в твоей жизни, тем надежней застревает в твоей судьбе.

Как такое происходит с читателем, когда точно можешь сказать: «Это писатель мой», — неизвестно. Иной автор вроде бы всем хорош — и сюжет строит не скучно, и слова расставляет правильно, и даже шутить умеет, но — нет, не мое. Шефнер же, хоть и прост, хоть и пишет, как пишут многие, — не особо работая над словами, не расставляя их по нотной линейке, чтобы слышались и музыка и размер, — но читаешь его и радуешься, перечитываешь и радуешься опять, будто прочитал в первый раз.

Шефнер действует точечными ударами. Вот он рассказывает историю. Человек пошел туда-то, туда-то, сделал то-то и то-то. Вроде бы ничего особенного. Только это «то-то и то-то», не представляющее «ничего особенного», вдруг оказывается чудо-коньками, на которых ты скользишь по воде, не рискуя утонуть или вымокнуть. Или: «Еще изобрел Сергей плоскостную оптику. Обработав соответствующим образом кусок оконного стекла, он придумал ему свойства линзы с гигантским увеличением. Вставив такое стекло в окно своей комнаты, он мог наблюдать марсианские каналы, лунные кратеры, венерианские бури. Когда Тамара слишком уж допекала его, он смотрел на дальние миры и утешался».

Этот принцип обыкновенного чуда — основа шефнеровского письма (не зря Шефнер и Шварц начинаются на одну букву). И — простота его скромных гениев, не очень-то задумывающихся над тем, какое чудо они придумали (для них ведь это дело житейское); главное, чтобы это чудо хоть кому-то принесло радость. И — «сложность» других его персонажей, тех, что делают чудеса практические: четырехгранные велосипедные спицы, мыло под названием «Не воруй», заполненное изнутри черной жидкостью, метящей похитителя.

Почему же, при всех достоинствах, литературная фантастика Шефнера мало входит в двери детских редакций? Для меня причина ясна. Дело в том, что количество алкоголя, потребляемое героями Шефнера на страницах большинства его сочинений, зашкаливает за допустимый предел. И, естественно, ни у кого из редакторов

ни одного из детских (да и не детских тоже) издательств восторга это не вызывает (так, Дора Борисовна?). Лично я вообще удивляюсь, как издали в ленинградском «Детлите» Шефнера. Да там («Девушка у обрыва») один смотритель заповедника Чепьювин (Человек, Пьющий Вино), герой абсолютно положительный, начинающий рабочий день с самогонки (рецепт изготовления прилагается) и пропагандирующий ее лечебные свойства, чего стоит! И доживает, между прочим, благодаря своему эликсиру молодости до черт-те какого возраста.

Куда смотрела цензура — не понимаю. Даже в XIX, почти что пещерном, веке за одно упоминание в отечественной печати — нет, не вина, а, например, грибов, вернее, их вредности при чрезмерном употреблении — на издание накладывали арест и тираж уходил под нож. Потому что не вино, а грибы есть «постная пища православных, и писать о вредности их — значит подрывать веру и распространять неверие». И все. И точка. Цензор сказал «нельзя» — значит быть по сему.

А в «Детлите» про вино разрешили. Правда, это было попозже, в XX, не в XIX веке, в конце застойных 70-х. Брежнев был еще почти жив. Сейчас бы точно не прокатило — сейчас ведь как: в литературе даже матом не выругаешься. Пришьют 18+. Запакуют тираж в термогроб из пластика, и — аминь! аллилуйя! — на выход вперед ногами.

А вот случай буквально позавчерашний.

Спешу я на приемную комиссию Союза писателей Санкт-Петербурга, спускаюсь из квартиры на лифте и внизу на выходе, где почтовые ящики, вижу старый сборничек стихотворений Вадима Шефнера. Кто-то, не знаю кто, из жителей нашего дома выкладывает на верх почтового ящика ненужные книги. Я его, кого-то этого, понимаю. Выбросить книги на помойку может только *нечеловек*. А вот так, не в мусор, не в разлагающиеся останки пищи, не в блевотину, не в пропасть, не в ад, — а положить на сухую полочку человеческого почтового ящика — такое этому доброму человеку на Страшном суде зачтется. Моя сумка забита доверху, в ней книги авторов, претендующих на прием в Союз. Шефнер в нее явно не помещается. Я загадываю: если до вечера, когда я вернусь домой, Шефнера никто не возьмет, значит он точно мой. И Шефнер меня дождался. «Лениздат», 1965 год. Вадим Шефнер. «Стихотворения».

Но это еще не все. Открываю дня через два сборник на случайной странице, и глаз мой схватывает: «Стихи о Васильевском острове». Ну-ка, ну-ка, читаю я:

Мы старые островитяне —
В печальный и радостный час
Незримыми тянет сетями
Любимый Васильевский нас...

Так ведь это же я написал в свои двадцать два, в юности. Чуть другими словами, и слог не тот, и стопа не та, и прочее не совсем, но ведь я же... И Шефнера я тогда не читал. Странно. Вот, сравните:

Ты знаешь, мы островитяне,
а с ленинградских островков
стирает краску очертаний
сырая тряпка облаков.

Ты знаешь, мы островитяне,
и невдомек материку
мужская твердость обещаний
на зыбком невском берегу.

Ты знаешь, мы островитяне,
и, значит, под дождями в нас,
как в Блоке или Мандельштаме,
огонь фалерна не угас.

Ты знаешь, мы островитяне,
и с нашей маленькой земли
мы тянем полными сетями
одни заботы, не рубли... —

и так далее.

Чем не Шефнер? И сети те же, и островитяне само собой.

Вот такие стяжки-стежки во времени. А вы говорите, что Бога нету.

Постскриптум: Вадим Сергеевич Шефнер — это вода живая. А если вода живая, то в ней и головастики плавают, и щука, и окуnek с плотвичкой, и чудо-юдо рыба-хек водится. И русалки, конечно, куда ж без русалок-то.

Ну и нам, грешным, ковшиком ее зачерпнуть, выпить, чтобы с усов не капало, — одно удовольствие.

Александр Етоев

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ

1

Сергей Кладезев родился на Васильевском острове. То был странный ребенок. Когда другие дети возились на песке, делая пирожки и домики, он чертил на песке детали каких-то непонятных машин. Во втором классе школы он сконструировал портативный прибор с питанием от батарейки ручного фонаря. Этот прибор мог предсказывать любому ученику, сколько двоек он получит на неделе. Прибор был признан непедagogичным, и взрослые отобрали его у ребенка.

Окончив школу, Сергей поступил учиться в Электрохимический техникум. В техникуме этом было немало хорошеньких девушек, однако на них Сергей как-то не обращал внимания — быть может, потому, что видел их каждый день.

Но вот однажды в июне он взял лодку на прокатной станции и спустился по Малой Неве в залив. У Вольного острова он увидел лодку с двумя незнакомыми девушками; они посадили ее на мель и вдобавок сломали весло, пытаясь сняться с этой мели. Он помог им добраться до лодочной станции и познакомился с ними, и стал ходить к ним в гости. Обе подруги тоже жили на Васильевском — Светлана на Шестой линии, а Люся на Одиннадцатой.

Люся в то время училась на курсах машинописи, а Света уже нигде не училась: она считала, что десяти классов ей достаточно. К тому же у нее были состоятельные родители, и они ей часто говорили, что пора бы ей и замуж, и она в глубине души соглашалась с ними. Но не собиралась выходить за первого встречного.

Поначалу Сергею больше нравилась Люся, но он не знал, как к ней подойти. Она была такая красивая и скромная и так смущалась, так старалась держаться в стороне, что и Сергей стал смущаться, встречая ее. А вот Света — та была девушка веселая, бойкая, та была, как говорится, девочка вырви глаз, и Сергей чувствовал себя с ней легко и просто, хоть от природы он был застенчив.

И вот когда на следующий год Сергей поехал погостить к своему приятелю в Рождественку, то оказалось, что и Света тоже приехала к каким-то родственникам. Это было случайное совпадение, но Сергею показалось, что это — сама судьба. Он со Светой теперь каждый день ходил в лес и на озеро. И вскоре ему стало казаться, что он жить без Светы не может.

Но он-то Светлане не слишком нравился. Света считала его очень уж обыкновенным. А она мечтала о муже необыкновенном. И с Сергеем она ходила в лес и на озеро просто так, просто потому, что надо же было с кем-то проводить время. Однако для Сергея это были счастливые дни, так как ему казалось, что и он немножко нравится этой девушке.

Однажды вечером они стояли на берегу озера, и лунная полоса, как половичок, вытканый русалками, лежала на гладкой воде. Кругом было тихо, только соловьи пели на другом берегу, в кустах дикой сирени.

— Как красиво и тихо! — сказал Сергей.

— Да, ничего, — ответила Света. — Вид мировой. Вот бы нарвать сирени, да очень она далеко, если берегом до нее тащиться. А лодки нет. И через озеро не перебежишь.

Они вернулись в поселок и разошлись по своим домам. Но Сергей всю ночь не спал, выводил на бумаге какие-то формулы и чертежи. Утром он уехал в город и провел там два дня. Из города он привез какой-то сверток.

Когда они поздно вечером пошли на берег озера, он захватил с собой этот сверток. У самой воды он развернул его и вынул две пары особых коньков, на которых можно было скользить по воде.

— На, надень эти водяные коньки, — сказал он Светлане. — Это я изобрел для тебя.

Они надели на ноги эти коньки и легко побежали на них по озеру к другому берегу. Коньки скользили по воде очень хорошо. Добежав до дальнего берега, они наломали сирени и с двумя букетами в руках долго катались по озеру в лунном свете.

После этого они каждый вечер стали ходить на озеро. Они бегали по озерной глади на легко скользящих водяных коньках, и от коньков оставался на воде легкий узкий след, который быстро сглаживался.

Однажды на самой середине озера Сергей задержал свой бег. Светлана тоже затормозила и подъехала к нему.

— Света, знаешь что? — сказал Сергей.

— Не знаю, — ответила Светлана. — В чем дело?

— Понимаешь, Света, я люблю тебя.

— Ну вот, только этого и не хватало! — сказала Светлана.

— Значит, я тебе ничуть не нравлюсь? — спросил Сергей.

— Нет, ты парень ничего, но у меня другой идеал. Я полюблю только необыкновенного человека. А ты обыкновенный — это я тебе честно говорю.

— Я понимаю, что ты говоришь честно, — грустно ответил Сергей.

Они молча вернулись на берег, и на следующий день Сергей уехал в город. Некоторое время он был совсем не в себе, похудел и много ходил по улицам, а иногда выезжал за город и бродил там. А по вечерам он возился дома в своей маленькой мастерской-лаборатории.

Однажды на набережной у сфинксов он встретил Люсю. Она обрадовалась ему, он сразу это заметил.

— Что ты тут, Сережа, делаешь? — спросила она.

— Так просто, гуляю. Как-никак каникулы.

— Я тоже просто гуляю, — сказала Люся. — Хочешь, пойдем вместе в ЦПКиО, — добавила она и покраснела.

Они поехали на Елагин остров и там долго гуляли по аллеям. Потом они еще несколько раз встречались и ходили по городу. Им хорошо было вдвоем.

Однажды Люся зашла к Сергею — они собирались в этот день вместе поехать в Павловск.

— Какой у тебя беспорядок! — сказала Люся. — Все какие-то приборы, колбы... Для чего это все?

— Так. Занимаюсь на досуге разным мелким изобретательством, — ответил Сергей.

— А я и не знала, — удивилась Люся. — Ты, может быть, можешь починить мою пишущую машинку? Я ее купила в комиссионном, она старенькая. Там ленту заедает иногда.

— Хорошо, я найду поглядеть.

— А это что? — спросила Люся. — Какой-то странный фотоаппарат. Я таких не видела.

— Это обыкновенный фотоаппарат ФЭД, только с приставкой. Эту приставку я недавно сконструировал. Благодаря этому приспособлению можно фотографировать будущее. Ты наводишь объектив на тот квадрат местности, о котором ты хочешь знать, каким он будет в будущем, — и снимаешь. Но моя приставка очень несовершенна — ею можно снимать только на три года вперед, дальше она не берет.

— Но и на три года вперед — это очень много! Ты сделал великое открытие!

— Ну уж, великое... — отмахнулся Сергей. — Очень несовершенная вещь.

— А у тебя снимки есть? — спросила Люся.

— Есть. Я недавно ездил за город, там снимал.

Сергей вынул из письменного стола несколько снимков девять на двенадцать.

— Смотри, вот тут я снял березку на лугу такой, какая она сейчас, без приставки. А вот на этом снимке — та же березка, какой она будет через два года.

— Выросла немножко, — сказала Люся. — И веточек больше стало.

— А тут она — через три года, — молвил Сергей.

— Но тут ее нет! — удивилась Люся. — Только какой-то пенек, да яма рядом вроде воронки. А там, вддали, смотри — какие-то военные, пригнувшись, бегут. И форма у них какая-то странная... Ничего не понимаю!

— Да, я и сам удивился, когда отпечатал этот снимок, — сказал Сергей. — Наверно, там будут маневры, вот что я думаю.

— Знаешь что, Сергей, сожги ты этот снимок. Тут какая-то военная тайна. Вдруг этот снимок попадет в руки заграничного шпиона!

— Ты права, Люся, — сказал Сергей. — Я об этом как-то не подумал.

Он разорвал снимок и бросил в печку, где уже лежало много хлама, и поджег.

— Вот так я буду спокойна, — сказала Люся. — А теперь сфотографируй меня, какой я стану через год. Вот в этом кресле у окна.

— Фотоприставка берет только квадрат местности и то, что там будет. Если тебя не будет через год в этом кресле, то и на снимке ты не получишься.

— А ты все-таки сфотографируй меня. Вдруг я и через год, ровно в этот день и час, буду сидеть в этом кресле.

— Хорошо, — ответил Сергей. — У меня в кассете как раз остался кадр.

И он сфотографировал Люсю в кресле с упреждением на один год.

— Давай я сразу и проявлю, и отпечатаю, — сказал он. — Сегодня ванна в нашей квартире свободна, никто не стирает белья.

И он пошел в ванную, перемотал пленку, заложил ее в эбонитовый бачок и проявил, и зафиксировал, и промыл, и принес пленку сушиться в комнату, где прищепкой прикрепил ее к веревочке в окне.

Люся взяла пленку за край и посмотрела на последний кадр. По негативу судить трудно, но ей показалось, что на снимке в кресле сидит не она. А ей хотелось, чтобы в кресле через год сидела именно она. «Нет, наверно, это все-таки я, — решила она, — только я плохо получилась».

Когда пленка высохла, они пошли в ванную комнату, где уже горела красная лампочка. Сергей вложил пленку в увеличитель, включил свет в закрытом фонаре фотоувеличителя, изображение спроектировалось на фотобумагу. Он быстро положил снимок в проявитель. Снимок стал проявляться. На нем выступили черты незнакомой женщины, сидящей в кресле. Она сидела в кресле и вышивала гладью на куске материи большую кошку. Кошка была почти готова, не хватало только хвоста.

— Это не я здесь сию, — разочарованно сказала Люся. — Со всем другая какая-то!..

— Да, это не ты, — подтвердил Сергей. — Но я не знаю, кто это. Этой женщины я никогда не встречал.

— Знаешь что, Сергей, мне пора домой, — сказала Люся. — И ты можешь не заходить ко мне. Пишущую машинку я отдам починить в мастерскую.

— Ну дай я тебя хоть до дома провожу.

— Нет, Сергей, не надо. Знаешь, я не хочу вмешиваться в твою судьбу.

И она ушла.

«Нет, не приносят мне счастья мои изобретения», — подумал Сергей. Он взял молоток и разбил приставку.

2

Месяца через два Сергей Кладезев, шагая по Большому проспекту, увидел сидящую на скамье молодую женщину и узнал в ней ту незнакомку, которая получилась у него на снимке.

— Вы не скажете, который час? — обратилась к нему незнакомка.

Сергей точно ответил на этот вопрос и присел на эту же скамью. У них завязался разговор о ленинградской погоде, и они по-

знакомились. Сергей узнал, что зовут ее Тамарой. Они стали встречаться, и вскоре получилось так, что они поженились. Затем родился сын, которого Тамара назвала Альфредом.

Тамара оказалась женщиной довольно скучной. Она ничем не интересовалась — только все время сидела в кресле у окна и вышивала на ковриках кошек, лебедей и оленей и потом с гордостью вешала их на стенку. Сергея она не любила. Она вышла за него замуж потому, что у него была отдельная комната. И еще потому, что она окончила институт коннозаводства и не хотела ехать на периферию, а как замужнюю ее не имели права послать.

Так как Тамара была женщиной скучной, то и Сергея считала человеком скучным, неинтересным и невыдающимся. Ей не нравилось, что на досуге он занимается изобретательством, — она считала это пустой тратой времени. Она все время ругала его за то, что он загромождает комнату своими приборами и инструментами.

Чтобы разгрузить комнату, Сергей сконструировал АПМЕД — небольшой Антигравитационный Прибор Местного Действия. Теперь благодаря АПМЕДУ он мог работать на потолке. Он настлал на потолок паркет, поставил там свой рабочий стол, перетащил туда все инструменты. Чтобы не пачкать стену, по которой он всходил на потолок, Сергей сделал на стене узкую линолеумовую дорожку. Теперь низ комнаты принадлежал жене, а верх стал рабочим кабинетом и лабораторией Сергея.

Но Тамара все равно была недовольна. Она теперь стала бояться, что в жакте узнают об этом увеличении площади и станут брать двойную квартплату. Кроме того, ей не нравилось, что Сергей за просто ходит по потолку. Она считала это неприличным.

— Хотя бы из уважения к моему высшему образованию не ходи ты вниз головой, — говорила она ему снизу, сидя в кресле. — У всех жен мужья — люди как люди, а мне такой неудачный достался!

Приходя с работы (он теперь работал техником-контролером в «Трансэнергоучете»), Сергей наскоро обедал и шел по стене к себе наверх, в кабинет-лабораторию. А иногда он отправлялся бродить по городу и окрестностям — только чтобы не слышать вечных упреков Тамары. Он так натренировался в ходьбе, что ему ничего не стоило дойти до Павловска или до Лисьего Носа.

Однажды на углу Восьмой линии и Среднего он встретил Светлану.

— А я вышла замуж за необыкновенного человека, — первым делом сообщила ему Светлана. — Мой Петя — настоящий изобре-

татель. Он пока работает на должности младшего изобретателя научно-исследовательского комбината «Все для быта», но скоро его переведут на должность среднего изобретателя. У Пети есть уже самостоятельное изобретение — мыло «Не воруй!».

— А что это за мыло? — спросил Сергей.

— Мыло это простое по идее, ведь все гениальное просто. «Не воруй!» — нормальное туалетное мыло, а внутри там — брикет несмывающейся черной туши. Если кто-нибудь — ну, скажем, сосед по коммунальной квартире — украдет у вас это мыло и станет им мылиться, то он весь измажется и физически и морально.

— Ну а если этого мыла никто не украдет? — спросил Сергей.

— Не задавай нелепых вопросов! — рассердилась Светлана. — Ты, наверно, просто завидуешь Пете.

— А Люсю ты видишь? — спросил Сергей. — Как она поживает?

— Ах, у Люси все по-прежнему. Я ей советую найти какого-нибудь подходящего необыкновенного человека и выйти за него замуж, а она отмалчивается. Видно, в старых девах хочет остаться.

Вскоре началась война.

Тамара с сыном уехала в эвакуацию, а Сергей Кладезев ушел на фронт. Сначала он был младшим лейтенантом в пехоте, а войну окончил в звании старшего лейтенанта. Он дважды был ранен, но оба раза, к счастью, легко. Он и на фронте продолжал размышлять над разными изобретениями, но у него не было ни материалов, ни лаборатории для их осуществления. Когда кончилась война, он вернулся в Ленинград, сменил военную форму на штатскую одежду и поступил работать на прежнее место — в «Трансэнергоучет». Вскоре вернулась из эвакуации Тамара с сыном Альфредом, и жизнь потекла по-прежнему.

А годы шли.

3

Да, годы шли.

Сын Альфред стал взрослым, окончил школу и поступил на срочные-краткосрочные курсы по подготовке гостиничных администраторов. Вскоре он уехал на юг и устроился работать в гостиницу.

Тамара по-прежнему вышивала на ковриках кошек, лебедей и оленей. Она стала еще скучнее и сварливее. Кроме того, она познакомилась с одним холостым отставным директором и теперь

грозилась Сергею, что уйдет от него к этому директору, если Сергей не возьмется за ум и не бросит своего изобретательства.

Светлана по-прежнему была очень довольна своим Петей. Петя шел в гору — теперь он был уже в чине среднего изобретателя. Он сконструировал даже четырехугольные спицы для велосипеда взамен круглых. Светлана очень им гордилась.

Люся, как и до войны, жила на Васильевском острове. Она работала машинисткой в конторе «Рояльзапчасть» — там планировались и конструировались запасные части к роялям. Люся до сих пор не вышла замуж. Она часто вспоминала Сергея. Однажды увидела его издали, но не подошла: он шагал по Седьмой линии в кино «Балтика» с женой. Люся сразу узнала эту женщину с фотографии.

А Сергей тоже очень часто вспоминал Люсю. Чтобы поменьше о ней думать, он старался направить свои мысли на новые изобретения. Но так как у него не было никакой ученой степени, то никто особенного значения не придавал его открытиям. А проталкивать свои изобретения он не умел, да и не слишком к этому стремился. Ему все казалось, что приборы его еще очень несовершенны и нечего ему соваться с кувшинным рылом в калашный ряд. Так, например, он изобрел прибор «Склокомер-прерыватель» и установил в своей коммунальной квартире на кухне. Прибор этот имел шкалу с двадцатью делениями и учитывал настраивание жильцов, а также интенсивность склоки, если таковая возникала. При первом недобром слове стрелка начинала дрожать и отсчитывать деления, постепенно приближаясь к красной черте. Дойдя до красной черты, стрелка включала склокопрерыватель. Раздавалась тихая, умиротворяющая музыка, автоматический пульверизатор выбрасывал облако распыленной валерианки и духов «Белая ночь», и на экране прибора появлялся смешной вертящийся человечек, кланялся публике и говорил: «Живите, граждане, в мире!» Таким образом, склока прерывалась в самом начале, и в квартире все были благодарны Сергею за его скромное изобретение.

Еще изобрел Сергей плоскостную оптику. Обработав соответствующим образом кусок оконного стекла, он придал ему свойства линзы с гигантским увеличением. Вставив такое стекло в окно своей комнаты, он мог наблюдать марсианские каналы, лунные кратеры, венерианские бури. Когда Тамара слишком уж допекала его, он смотрел на дальние миры и утешался.

Но практической выгоды от всех этих изобретений не было. Вот только на спичках получалась экономия. Дело в том, что Сер-

гей открыл способ превращать воду в бензин. А так как он много курил, то, приобретя зажигалку, стал заправлять ее своим бензином. В общем-то, жизнь его текла не очень радостно. И от Тамары радости было мало, да и от сына Альфреда тоже.

Когда Альфред приезжал в Ленинград, он беседовал главным образом с Тамарой.

— Ну, как живешь? — спрашивал он ее.

— Уж какая у меня жизнь... — отвечала Тамара. — Единственная радость у меня — искусство. Вот погляди, какого оленя вышиваю.

— Олень что надо! — восклицал Альфред. — Как живой! И рога здоровенные. Мне бы такие рога — далеко бы я в жизни пошел!

— А вот отец твой не понимает искусства. Ему бы лишь изобретать. Мало от него толку.

— Зато непьющий, это ценить надо, — бодро утешал ее сын. — В жизни он, конечно, плохо продвигается, да, может, еще за ум возьмется. Как посмотришь на других, что в гостинице останавливаются, — обида за отца берет. Тот — главснабженец, тот — иностранец, тот — научный работник. Недавно доцент один в люксе жил — этот автобиографию Пушкина написал. Дачу имеет, машину.

— Где уж мне с таким мужем о дачах мечтать, — уныло тянула Тамара. — Надоело мне с ним! Разводиться хочю.

— А на прицепе есть кто?

— Есть тут один отставной директор. Холостой. И искусство ценит. Я ему лебедя вышитого подарила — как ребенок радовался. С таким не пропадешь.

— А он директором чего был? Не гостиницы?

— Он был директором кладбища. Человек серьезный, чуткий.

— Должность обязывает, — соглашался сын.

4

Однажды в июне Сергей Кладезев весь вечер проработал на своем потолке над одним новым изобретением. Он не замечал, как шло время, и когда глянул на часы, то увидел, что уже очень поздно. Тогда он лег спать, но перед сном забыл завести будильник и на следующее утро проспал на работу. И он решил не идти в этот день в «Трансэнергоучет». Это был его первый и последний прогул.

— Доведет тебя до ручки твое изобретательство! — сказала ему Тамара. — Хоть бы для дела прогулял, а то так просто! Умные лю-

ди деньги прирабатывают, клубнику разводят, а от тебя пользы — что от козла молока.

— Не огорчайся, Тамара, все будет хорошо, — мягко сказал Сергей. — Вот отпуск скоро, по Волге поедем путешествовать.

— Нужны мне твои грошовые путешествия! — крикнула Тамара. — Ты бы лучше за спину свою попутешествовал, послушал бы, что люди о тебе за твоей спиной говорят! Ведь все, наверно, дураком набитым тебя считают, смеются над тобой.

И она сердито сняла со стены коврик с изображением кошки и ушла куда-то.

А Сергей остался в комнате и призадумался.

Он долго думал, а потом решил отправиться в путешествие за свою спину, как посоветовала ему жена.

У него давно уже был изобретен Агрегат Незримого Присутствия — АНЕЗП. Радиус действия АНЕЗПа был всего тридцать пять километров, дальше он не брал. Сергей не пользовался этим АНЕЗПом для наблюдения жизни города, считая неэтичным заглядывать в чужие квартиры, в чужую жизнь. Но иногда он настраивался на ближайшие пригородные леса и смотрел, как птицы выют гнезда, и слушал их пение.

А теперь он решил использовать действие АНЕЗПа в зоне города. Он включил питание, затем легонько, на одно деление, повернул ручку настройки близости, а антенну-искатель направил в сторону кухни той коммунальной квартиры, в которой жил. Две женщины-соседки стояли возле газовой плиты и вели беседу о разных посторонних вещах. Затем одна из них сказала:

— А Тамара-то опять к директору пошла. Стыдобушки нет!

— Жаль мне Сергея Владимировича! — сказала вторая. — Такой хороший человек, и из-за жены пропадает. Он-то ведь умница.

— Согласна с вами, — сказала первая. — Он человек очень, видеть, умный и хороший. Только не везет ему в жизни.

Сергей отключился от кухни и направил антенну на «Трансэнергоучет». Он долго попадал в чужие квартиры, в конторы, в магазины, но наконец нашел свое учреждение. На экране возникла комната, где он обычно работал. Товарищи по работе пили в это время чай и ели бутерброды — шел обеденный перерыв.

— Не стряслось ли чего с нашим Сергеем Владимировичем? — сказал один из сослуживцев. — Такой порядочный и аккуратный человек — и вдруг прогулял! Наверно, он заболел. И телефона у него в квартире нет, нельзя узнать, что случилось.

— Без него пусто как-то у нас, — сказал второй. — Хороший он человек, ничего не скажешь.

— Очень хороший человек, — согласился третий. — Вот только жена ему плохая досталась. Типичная мешчанка. Из-за нее он света не видит.

Сергей выключил АНЕЗП и призадумался. Он снова вспомнил Люсю, и ему захотелось увидеть ее хоть на миг.

И тогда он снова включил агрегат и стал искать Люсину комнату на шестом этаже дома на Одиннадцатой линии Васильевского острова. «Но, может быть, она там и не живет теперь? — размышлял он. — Может быть, она давно вышла замуж и переехала? Или, может быть, просто обменялась?»

На экране возникали чужие комнаты, незнакомые люди, вырванные из пространства куски чужой жизни... Но вот он отыскал жилище Люси. Ее в комнате не было, но это была именно ее комната. Вещи были прежние, и та же картина висела на стене. А на столике стояла пишущая машинка. Сергей успокоился. Просто Люся сейчас на работе — догадался он.

Тогда он стал настраивать АНЕЗП на дом Светланы — интересно, как она живет? Ее он отыскал довольно быстро. В квартире было много новых вещей, а сама Светлана постарела, и легкое ее имя теперь не шло к ней. Но вид у нее был бодрый, довольный.

Вдруг раздался звонок, и Светлана пошла открывать дверь.

— Здравствуй, Люсенька! Давно ты не заходила! — воскликнула Светлана.

— На минутку забежала проведать — у меня сейчас обеденный перерыв, — сказала Люся, и Сергей увидел ее. Она тоже не помолодела за эти годы, но была по-прежнему мила и хороша собой.

Подруги прошли в комнату и стали говорить о том о сем.

— А замуж ты так и не собираешься? — спросила вдруг Светлана. — Ведь ты еще можешь найти неплохого пожилого мужа.

— Нет, я никого не ищу, — грустно ответила Люся. — Ведь тот, кто мне нравится, давно женат.

— Это ты все об этом Сергее? — молвила Светлана. — И чего ты в нем нашла! Ведь в нем нет ничего необыкновенного. Такой пороку не выдумает... Правда, парень он был невредный. Коньки водяные, помню, мне подарил. Мы на этих коньках с ним по озеру гоняли. На берегу соловьи свищут, на дачах люди все дрыхнут, а мы прямо по воде мчимся, класс показываем.

— Я и не знала, что он такие коньки придумал, — задумчиво сказала Люся. — А сейчас они у тебя?

— Нет, что ты! Мой Петя давно их в утиль сдал. Он сказал, что ерунда все это. Петя ведь настоящий изобретатель, он в таких делах разбирается.

— А у Пети дела хорошо идут? — спросила Люся.

— Дела — что надо. Он недавно сконструировал МУКУ-один. Это светлое дерзание технической мысли.

— А что это за МУКА?

— Это Механический Универсальный Консервооткрывающий Агрегат — вот что это! Теперь домашние хозяйки и холостяки будут избавлены от возни с открыванием консервов.

— У тебя нет этого агрегата? — спросила Люся. — Интересно бы посмотреть.

— У меня его нет и не будет. Он ведь должен весить пять тонн, под него нужен бетонный фундамент. И стоять он будет четыреста тысяч новыми.

— Какая же хозяйка сможет купить эту МУКУ? — удивилась Люся.

— Господи, какая ты непонятливая! — воскликнула Светлана. — Каждой хозяйке и не надо покупать этот агрегат. Его одного на весь город хватит. Он будет установлен где-нибудь в центре города, скажем на Невском. И там будет оборудован ЕГКОЦ — Единый Городской Консервооткрывательный Центр. Это очень удобно. Вот, скажем, пришли к тебе гости, надо для них шпроты открыть. Ты просто берешь свою консервную банку, быстренько выходишь на улицу, едешь в ЕГКОЦ. Там сдаешь банку приемщице, платишь пять копеек новыми и получаешь квитанцию. Приемщица наклеивает на банку ярлычок и ставит ее на конвейер. А ты идешь себе в зал ожидания, садишься в кресло и смотришь короткометражный фильм на консервную тему. Вскоре тебя вызывают к окошечку, ты предъявляешь квитанцию, получаешь открытую банку и спокойно едешь домой на Васильевский. Удобно, правда?

— Неужели в самом деле этот проект будет осуществлен? — спросила Люся.

— Петя надеется, — ответила Светлана. — Но у него за последнее время появилось много врагов и злопыхателей. Они мешают осуществлению его изобретений. Завидуют, как видно. А Петя никому не завидует, он знает, что он необыкновенный человек. И он справедливый человек. Одного изобретателя он очень уважает — того, который изобрел и внедрил в производство укупорку «пей до дна».

— А что это за «пей до дна»?

— Разве ты не знаешь, как укупоривается сейчас водка?! Там такая шляпочка из мягкого металла с хвостиком. Потянешь за хвостик — металл рвется и бутылка открыта. И ее уже этой укупоркой не закроешь, хочешь не хочешь — надо пить до дна. Это тоже светлый взлет технической мысли.

— А водяные коньки мне больше нравятся, — задумчиво сказала Люся. — Хотела бы я белой ночью промчаться по заливу на таких коньках!

— Далась тебе эти коньки, — усмехнулась Светлана. — Нам с Петей их и даром не надо.

Сергей выключил свой АНЕЗП и снова призадумался. И он пришел к одному решению.

5

В тот же вечер Сергей Кладезев на дне старого чемодана отыскал свою пару водяных коньков. Затем он заполнил водой ванну и опробовал в ней эти коньки. Они не утратили своей держащей на воде силы и могли скользить так же хорошо, как много лет назад.

После этого он до глубокой ночи проработал в своем кабинете-лаборатории и сделал вторую пару водяных коньков — для Люси.

На следующий день, в воскресенье, Сергей пошел на утреннюю прогулку, а когда вернулся домой, то Тамары дома уже не было. А на стене недоставало еще одного коврика — с оленем. Тамара пошла дарить и этот коврик отставному директору.

Сергей надел свой парадный серый костюм и завернул в газету обе пары водяных коньков. Затем он положил в карман пульверизатор и бутылочку с жидкостью МУПОН (Множественный Усилитель Поверхностного Натяжения). Одежда, обрызганная этим составом, приобретала свойство держать человека на воде.

Потом Сергей Кладезев открыл большой шкаф, где хранил свои лучшие изобретения, и вынул оттуда ОСЭПСОН (Оптический Солнечно-Энергетический Прибор Совершенно Особого Назначения). Над этим прибором он в свое время очень много думал и считал его своим наиболее важным изобретением. Он закончил его два года назад, но до сих пор не применял в действии. Дело

в том, что ОСЭПСОН мог возвращать человеку молодость, а все эти годы Сергей вовсе не желал возвращения своей молодости: ведь тогда ему пришлось бы вернуть молодость Тамаре и начинать с ней жизнь сначала. А с него вполне было достаточно и одного срока жизни с ней. Кроме того, его смущала чрезвычайная энергоемкость этого прибора. Вследствие этой энергоемкости действие ОСЭПСОНа должно было сопровождаться некоторыми явлениями космического порядка, а Сергей не считал себя настолько важной персоной, чтобы быть причиной этих явлений.

Однако теперь, все продумав и взвесив, он решил применить этот прибор. И он взял ОСЭПСОН, так же как и водяные коньки, и покинул свой дом.

Он пошел по своей улице и вскоре вышел на Средний проспект Васильевского острова. На углу Пятой линии он купил в гастрономе бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет и пошел дальше. Дойдя до Одиннадцатой линии, он свернул со Среднего и через некоторое время очутился возле дома, где жила Люся. Поднявшись по знакомой лестнице, он дал два длинных и один короткий звонок.

Дверь ему открыла Люся.

— Здравствуй, Люся! — сказал он. — Как давно мы не виделись!..

— Очень давно!.. — ответила Люся. — Но я почему-то всегда ждала, что ты придешь. И вот ты пришел.

Они вошли в Люсину комнату и стали пить шампанское и вспоминать о том, что было много лет тому назад.

— Ах, хотела бы я вернуть молодость и начать жизнь сначала! — воскликнула вдруг Люся.

— Это в наших силах, — сказал Сергей и поставил на стол ОСЭПСОН. Прибор этот был размером с портативный радиоприемник. От него отходил довольно толстый шнур.

— Питание у него от сети? Он не перегорит? — спросила Люся. — Наш дом недавно перевели на двести двадцать вольт.

— Нет, ОСЭПСОН питается не от сети, — ответил Сергей. — Тут тысячи Днепрогэсов бы не хватило. Он питается прямо от солнца. Открой, пожалуйста, окно.

Люся распахнула рамы, и Сергей протянул шнур к окну. Шнур оканчивался небольшим вогнутым зеркалом, и Сергей положил это зеркало на подоконник так, что оно было направлено прямо на солнце.

Потом он подошел к ОСЭПСОНу и нажал кнопку.

В приборе начало что-то потрескивать — и сразу солнце стало светить слабее, как лампочка, когда падает напряжение в сети. В комнате настали сумерки.

Люся подошла к окну и взглянула на город.

— Сергей, что это?! — удивилась она. — Мне кажется, будто начинается затмение. Весь Васильевский остров в сумерках. И дальше всюду тоже сумерки.

— Сейчас сумерки на всей Земле, и на Марсе, и на Венере, — ответил Сергей. — Прибор берет много энергии.

— Такой прибор нельзя, наверно, пускать в массовое производство, — сказала Люся. — А то все бы стали возвращать себе молодость и все время было бы темно.

— Да, — ответил Сергей. — Этот прибор индивидуального разового пользования. Я его сконструировал только для тебя и ради тебя. А теперь сядем и будем сидеть смиренно.

Они сели на старенький плюшевый диванчик, взялись за руки и стали ждать.

За окном и в комнате становилось все темнее. Машины на улице шли теперь с включенными фарами.

— Даже не верится, что сейчас час дня, — задумчиво проговорила Люся. — Как странно...

— Да, это, наверно, кажется странным, — ответил Сергей. — Мне-то нет, но всем другим это должно казаться странным. Чтобы вернуть молодость, нужна очень большая затрата энергии.

Между тем вокруг стемнело, будто настала ночь. В городе зажглись квадраты окон, засветились уличные фонари. В комнате стало теперь совсем темно. Только шнур, идущий от зеркала на подоконнике к ОСЭПСОНу, светился голубоватым светом. Он вздрагивал и извивался, как шланг, по которому с бешеной скоростью движется какая-то жидкость.

Внезапно в приборе что-то резко щелкнуло, и в торцовой его стенке открылось квадратное окошечко. Оттуда вылез брусок зеленого света. Он был словно обрублен на конце и упирался в пустоту. Он походил на вещество, но это был свет. Этот брусок света начал расти и уперся в стену, где висела картина, на которой была изображена свинья под дубом — иллюстрация к басне Крылова. Свинья на картине сразу же превратилась в поросенка, а развесистый дуб — в молодой дубок.

Луч стал тихо и неуверенно двигаться по комнате, словно вслепую отыскивал Люсю и Сергея. Там, где он касался обоев, старые

выгоревшие обои приобретали свой прежний цвет и становились как новые. Пожилой серый кот, дремавший на комод, превратился в котенка и начал играть со своим хвостом. Муха, попавшая в луч, превратилась в личинку мухи и упала на пол.

Наконец луч приблизился к Сергею и Люсе. Он заскользил по их головам, по их лицам, по их ногам и туловищам. Над головами у них выросли два светящихся полукруга, вроде нимбов у святых.

— Ой, голове щекотно! — засмеялась Люся.

— Ничего, потерпи, — сказал Сергей. — Это седые волосы преобразуются в нормальные. Моей голове тоже щекотно.

— Ах! — воскликнула Люся. — У меня во рту что-то горячее!

— У тебя, наверно, есть золотые коронки на зубах? — спросил Сергей.

— Только две, — ответила Люся.

— Коронки молодым зубам не нужны, и вот они распадаются в пыль, — пояснил Сергей. — Ты выдохни эту пыль.

Люся сложила губы трубочкой, как это делают неопытные курьшики, и выдохнула изо рта золотую пыль.

— Мне кажется, будто диван под нами поднимается, — сказала она вдруг.

— Это распрямляются пружины. Ведь мы становимся легче. Мы малость отяжелели за эти годы.

— Ты прав, Сережа, — согласилась Люся. — А вот сейчас я чувствую себя легкой-легкой. Как в дни, когда мне было двадцать лет.

— Тебе и есть сейчас двадцать лет, — сказал Сергей. — Мы вернулись в молодость.

В это мгновение ОСЭПСОН вдруг задрожал, загудел и вспыхнул. Он исчез, и от него остался только голубой пепел. Вокруг сразу начало светлеть. Водители выключили фары, уличные фонари погасли, электрический свет в окнах тоже погас — он был теперь не нужен. Солнце снова сияло во всю свою июньскую силу.

Люся встала, посмотрела на себя в зеркало — и улыбнулась.

— Пойдем, Сережа, куда-нибудь гулять, — сказала она. — Например, на Елагин остров.

Сергей захватил сверток с водяными коньками, взял Люсю под руку, и они вышли из квартиры и легко сбежали по лестнице вниз, на улицу. На Среднем проспекте догнали трамвай, отошедший от остановки, и поехали в ЦПКиО. Там бродили по аллеям, катались на каруселях и качались на качелях и дважды обедали в буфетересторане.

Когда настала тихая белая ночь и парк опустел, они пришли на берег залива. На море стоял штиль, и паруса яхт неподвижно маячили вдали, у Вольного острова. Вода была без единой морщинки.

— Самая подходящая погода, — сказал Сергей и, развернув сверток, вынул водяные коньки. Он помог Люсе надеть их на ее туфельки, а затем надел свою пару коньков.

Она встала на воду залива и легко побежала по ней. Они миновали яхты, где яхтсмены ждали ветра, помахали им рукой и выбежали за Вольный остров, в открытый простор. Они долго мчались в этом просторе, а потом Сергей вдруг замедлил свой бег, Люся тоже затормозила и подъехала к нему.

— Знаешь, Люся, что я хочу тебе сказать... — несмело начал Сергей.

— Знаю, — ответила Люся. — Я тебя тоже люблю. Теперь мы будем всегда вместе.

И они обнялись и поцеловались и повернули к берегу.

Меж тем поднялся ветер и погнал волны. Бежать на коньках стало трудно.

— А что, если я споткнусь и упаду в воду? — спросила Люся.

— Сейчас я приму меры, чтобы мы не утонули, — засмеялся Сергей.

И он вынул из кармана пульверизатор и бутылочку с жидкостью МУПОН. Затем он обрызгал Люсину и свою одежду этим составом.

— Теперь мы можем даже сидеть на волнах, — сказал он Люсе.

И они сели на волну, как на хрустальную скамеечку, и обнялись, и волна понесла их к берегу.

Граждане! Ждите великих открытий!

ДЕВУШКА У ОБРЫВА, ИЛИ ЗАПИСКИ КОВРИГИНА

Фантастическая повесть

Предисловие к 338-му юбилейному изданию

Семьдесят пять лет назад, в 2231 году, впервые вышла из печати эта небольшая книжка. С тех пор она выдержала 337 изданий только на русском языке. По выходе в свет она была переведена на все языки мира, а ныне известна всем жителям нашей Объединенной Планеты, а также и нашим землякам, живущим на Марсе и Венере. За 75 лет о «Девушке у обрыва» написано столько статей, исследований и диссертаций, что одно их перечисление занимает девять больших томов.

Выпуская в свет это юбилейное издание, мы хотим вкратце напомнить читателям историю возникновения «Записок Ковригина» и пояснить, почему каждое новое поколение читает эту книгу с неослабевающим интересом.

Надо сказать, что причина нестареющей популярности «Девушки у обрыва» кроется отнюдь не в художественных достоинствах этой книги. Не ищите здесь и обобщающих мыслей, широких картин эпохи. Все, что выходит за ограниченный круг его темы, автора просто не интересует. Да он и не справился бы с таким самозаданием — ведь по профессии он не был Писателем. Автор «Девушки у обрыва» Матвей Ковригин (2102–2231), работая над этой книгой, отнюдь не претендовал на литературную славу. Будучи по образованию Историком литературы и изучая XX век, он ждал славы или хотя бы известности от своих историко-литературных компилятивных трудов, которых он издал довольно много и которые не пользовались популярностью уже при жизни автора, а ныне совершенно забыты. А эта небольшая книжка, вышедшая после смерти автора, принесла ему посмертную славу, и слава эта не меркнет с годами. Ибо в этой книжке Ковригин рассказывает об Анд-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Етоев. Вода живая</i>	5
Скромный гений	11
Девушка у обрыва, или Записки Ковригина <i>Фантастическая повесть</i>	28
Счастливый неудачник	156
Человек с пятью «не», или Исповедь простодушного	216
Запоздалый стрелок, или Крылья провинциала. <i>Повесть-сказка</i>	299
Дворец на троих, или Признания холостяка	338
Круглая тайна. <i>Полувероятная история</i>	391
Курфюрст Курляндии. <i>Ненаучно-фантастический рассказ</i>	436
Когда я был русалкой	456
Фиалка Молчаливая. <i>Рассказ на вечную тему</i>	469
Дядя с большой буквы, или Великая Пауза	484
Записки зубовладельца	497
Отметатель Невзгод, или Сампо XX века	514
Лачуга должника. <i>Роман случайностей, неосторожностей, нелепых крайностей и невозможностей</i>	547
Рай на взрывчатке	770
Кончина коллекционера	816
Небесный подкидывш, или Исповедь трусоватого храбреца	829
Съедобные сны, или Ошибка доброго мудреца	907